

П.Л. ЛАВРОВ И ЕГО НАУКОУЧЕНИЕ

Николай Безлепкин

Статья посвящена 200-летию со дня рождения Петра Лавровича Лаврова. Творчество выдающегося русского философа и общественного деятеля рассматривается не только под углом зрения его вклада в социальную теорию, но и в контексте того влияния, которое он оказал на развитие научной и педагогической мысли в России. Отмечается, что Лавров представляет собой яркий пример ученого-энциклопедиста, стремящегося к овладению современными ему научными знаниями, приложению их к решению практических и нравственных задач, стоящих перед обществом. Лавров, опираясь на данные целого ряда наук, прослеживает в своих трудах эволюцию человеческой мысли и науки. Он оставил глубокий след в истории русской научно-философской мысли, стал первопроходцем в изучении проблем философии науки, представил достаточно интересное и системно изложенное наукоучение. Наукоучение Лаврова не только привлекло внимание ученых к проблеме единства науки и философии, но и указало пути разрешения сложившегося на рубеже XIX–XX вв. кризиса в науке, подчеркнув значение методологических и эпистемологических проблем в развитии научного знания и заложив тем самым основы современной отечественной философии науки. На протяжении почти двадцатилетней педагогической деятельности Лавров, с одной стороны, стремился поднять преподаваемые им математические дисциплины до уровня их развития того времени, а с другой, подчеркивал важнейшую роль воспитания в процессе обучения, обращал внимание на роль педагога как воспитателя. Делается вывод, что Лаврова можно с полным правом считать одной из ключевых фигур в интеллектуальной и социальной истории России.

Ключевые слова: П.Л. Лавров, критический реализм, философия науки, наукоучение, позитивизм, воспитание, субъективный метод, эпистемология и методология науки.

Военная академия связи им. С.М. Буденного, Санкт-Петербург

The article is devoted to the 200th anniversary of the birth of Pyotr Lavrovich Lavrov. The work of the outstanding Russian philosopher and public figure is considered not only from the angle of his contribution to social theory, but also in the context of the influence he had on the development of scientific and pedagogical thought in Russia. It is noted that Lavrov should be regarded as a vivid example of a scientist-encyclopedist, striving to master relevant scientific knowledge, applying it to the solution of practical and moral problems which society faced at that time. The author stresses that Lavrov, relying on the data of a number of sciences, traced and analyzed in his works the evolution of human thought and science. He made a great contribution to the development of Russian scientific and philosophical thought, became a pioneer in the study of the problems of philosophy of science and presented a quite interesting and systematically outlined naukouchenie (science of knowledge). Lavrov's naukouchenie not only attracted the attention of scientists to the problem of the unity of science and philosophy, but also indicated some ways to resolve the crisis in science that broke out at the turn of the 19–20th centuries, emphasizing the importance of methodological and epistemological problems in the development of scientific knowledge and thus laying the foundations of modern Russian philosophy of science. During almost twenty years of pedagogical activity, Lavrov, on the one hand, strove to raise the mathematical disciplines he taught to the level of their development at that time, and on the other hand, emphasized the most important role of education in the process of learning, paying attention to the role of the teacher as an educator. It is concluded that Lavrov can be rightfully considered one of the key figures in the intellectual and social history of Russia.

Keywords: Pyotr L. Lavrov, critical realism, philosophy of science, science of knowledge, positivism, education, subjective method, epistemology and methodology of science.

Петр Лаврович Лавров (1823–1900), чье двухсотлетие со дня рождения более чем скромно отмечено в 2023 году российской общественностью, явно не соответствует тому месту и значению, которое он по праву занимает в отечественной интеллектуальной и социальной истории. Объяснение этому отчасти связано с тем, что историография творчества Лаврова обращена преимущественно ко времени написания им «Исторических писем», когда складывается его облик «как ведущего мыслителя народничества и одной из самых привлекательных фигур в русском революционном движении девятнадцатого века» [3, с. 253]. Лавров относился к числу наиболее почитаемых политических фигур не только в России, но и среди европейских социалистов независимо от их различий в теоретических убеждениях и политических взглядах¹. А вот его работы по истории мысли, по естественно-научным, математическим и научно-философским проблемам преимущественно представлялись как популяризация западноевропейской науки. Лишь после смерти Лаврова стало возможным изучение не только его вклада в развитие социальной теории, но и других сторон его многогранного творчества как ученого, мыслителя, педагога.

Отношение к Лаврову было неоднозначным и при его жизни. Блестящая офицерская карьера (Лавров в 21 год стал преподавателем, в 35 лет – полковником, а затем профессором Михайловской артиллерийской академии) соединялась в нем с тягой к отвлеченному мышлению, с интересом к философии как способу мышления, объединяющему научное знание в единое целое. Его предложение включить курс лекций по философии в перечень преподаваемых в академии дисциплин вызвало неудовольствие начальника военно-учебных заведений великого князя Михаила Николаевича. Современник Лаврова – публицист Говоруха-Отрок в письме к В.В. Розанову саркастически отзывается о нем как о «философе от артиллерии» [4, с. 805]. Однако К.Д. Кавелин именно П.Л. Лаврова рекомендовал профессором на кафедру философии Петербургского университета после возобновления ее деятельности. Э.Л. Радлов в сборнике, посвященном столетию со дня рождения Лаврова, по этому поводу писал, что «Лавров был по натуре ученым, и его настоящее место – это кафедра профессора. Никитенко² помешал Лаврову занять кафедру в Петербургском университете и очень дурно сделал» [11, с. 27].

¹ Следует отметить, что, по воспоминаниям Э.А. Серебрякова, среди почитавших Лаврова был и известный французский политик Жорж Клемансо. «Достаточно было простой записки от П.Л., чтобы Клемансо сделал все, что мог, для подателя этой записки. И не раз такие записки спасали русскую эмиграцию от козней русской и французской полиции» [4, с. 468].

² Отношение А.В. Никитенко к П.Л. Лаврову было обусловлено негативной реакцией на популярность Лаврова среди студентов и вытекало из охранительской позиции, которая довольно четко сформулирована в его «Записках и дневнике»: «Всеми силами надо спасти университет от такого философа, как Лавров, которого известная партия всячески старается провести в профессора философии. Продлись долго такое направление в нашем юношестве, наша молодая наука быстро станет увядать, и мы решительными шагами пойдем к варварству» [14, с. 82].

Первые публичные лекции по философии, которые Лавров по просьбе Литературного фонда прочел 22, 25 и 30 ноября 1860 г. в петербургском Пассаже, продемонстрировали интерес публики к личности Лаврова и были опубликованы в «Отечественных записках» в 1861 г. как «Три беседы о современном значении философии», где проводилась мысль о необходимости соединения философского исследования с практикой жизни. А редактируемый им с 1861 г. философский отдел «Русского Энциклопедического Словаря» неизменно вызывал в обществе полемику и резонанс.

С нашей точки зрения, бытующее в историографии его творчества мнение, что П.Л. Лавров представлял собой эклектика и популяризатора науки, не имеет под собой никаких оснований. В.В. Зеньковский справедливо отмечал, что «Лаврова никак нельзя считать эклектиком; то обстоятельство, что в его взглядах отразилось влияние Канта и позитивистов, Курно и Фейербаха, означает лишь широту его “критического реализма”. Вообще исходное убеждение Лаврова определялось его верой в науку» [5, с. 159].

Значение Лаврова в истории русской мысли часто оценивается как «приобщившего русское общество к сознательной духовной и политической жизни», одной из ключевых фигур интеллектуальной и социальной истории России [9, с. 206]. При этом его вклад в историю русской мысли преимущественно сводится к разработке таких тем, как антропологическое учение, субъективный метод, роль личности в истории, концепция исторического прогресса, исследование этических вопросов. Между тем, Лавров, владевший с детства французским и немецким, а впоследствии и английским языками, представлял собой яркий пример русского ученого-энциклопедиста, стремящегося к овладению современными ему научными знаниями, приложению их к решению практических и нравственных задач, стоящих перед обществом. Н.А. Бердяев отмечает, что Лавров «был человек обширной учености, много ученее Михайловского» [1, с. 145]. А П. Мокиевский сравнивал Лаврова с французскими просветителями: «Роль Лаврова, как роль других деятелей шестидесятых годов, имела немало общего с ролью другой замечательной группы общественных деятелей второй половины XVIII века, т.е. с ролью Вольтера, Дидро и других энциклопедистов» [10, с. 30]. П.А. Сорокин убедительно доказал, что у Лаврова имеется стройная и цельная система социологии. Эта система ученым была не только программно намечена, но и фактически осуществлена в ряде его работ [11, с. 249].

Синтетический подход Лаврова к науке находил отражение и в его педагогической деятельности. В 1865 г. в трех лекциях «Влияние развития точных наук на успехи военного дела и в особенности артиллерии» он решительно возражает П.-Ж. Прудону, противопоставлявшего науку и военное дело. В этих лекциях он прослеживает, начиная со времен древнего Вавилона, «сближение между историею точных наук и историею артиллерии». Рассматривая различные периоды истории и, используя многочисленные и хорошо систематизированные факты, он приходит к заключению, что «артиллерия всегда была представительницей соединения науки и военного дела» [7, с. 505]. Военный деятель, считал Лавров, должен по-

мимо математики и физико-химических наук, знать сложные вопросы политической экономии и государственного устройства.

Более чем двадцатилетняя педагогическая деятельность Лаврова характеризуется активным вниманием к вопросам обучения и воспитания. Как человек науки, Лавров, с одной стороны, стремился поднять преподаваемые математические дисциплины до современного уровня их развития, а с другой – подчеркивал роль воспитания в процессе обучения, обращал внимание на роль педагога как воспитателя. Представленный им проект переустройства российских гимназий, нашедший положительный отклик среди педагогов, представлял собой продуманную систему обучения, находящуюся в неразрывной связи с формированием активной личности, способной к самостоятельности и обладающей ясными понятиями об отношении к себе, отдельным людям и обществу. В двух крупных статьях «По поводу вопроса о воспитании» и «Несколько мыслей о системе общего умственного воспитания молодых людей» Лавров обращает внимание российского общества на огромную важность вопроса о воспитании, который, по его словам, является «вопросом жизни». Важно, считал он, не то, воспитывается ли молодой человек в семье или в общественном заведении, а то, какие люди его воспитывают. Сам же Лавров являл пример преподавателя строгого, требовательного и пользующегося большим уважением учеников за свою справедливость и обширные знания [7, с. 503–505].

Глубокие познания в различных областях наук привлекали внимание к его трудам, как в России, так и в Европе после его эмиграции. Лавров был приглашен в члены парижского антропологического общества, а его суждения принимали в расчет Карл Маркс, любивший беседовать с ним, и Фридрих Энгельс в своей «Диалектике природы». Впрочем, и Лавров высоко ценил Маркса, хотя и не был его последователем. По верному замечанию Зеньковского: «Лавров был, да и всю жизнь оставался ученым» [5, с. 158].

Лавров, рассматривая мир как упорядоченное целое, стремился и науку представить как нечто единое, хотя и расчлененное на части. Не случайно, что главной целью русского ученого и его завершающим трудом, хотя и не оконченным, является «Опыт истории мысли», в котором он, опираясь на весь свод научных знаний своего времени, предпринял попытку составить картину эволюцию науки в целом. Он стал первопроходцем в изучении проблем философии науки, представил достаточно системно изложенное наукоучение, опираясь на данные целого ряда наук, прослеживая эволюцию человеческой мысли и науки. Обращаясь к истории науки и мысли, Лавров разделял главный тезис позитивизма о том, что в жизни общества важнейшим элементом является наука, которая, по его мнению, «дает нам точный материал для наших убеждений» [13, т. 1, с. 563]. Целостное представление о науке привело его к двум важным выводам, с одной стороны, о «существовании предметного мира, как он есть, с законом причинности, связывающим явления, с другой – мира деятельности... К этому двойному миру человек применяет критическую мысль; метод применения состоит в том, что к первоначальным догматическим построениям человек относится скептически, разрушив

их, переходит к научным» [8, с. 3]. Сделанные выводы свидетельствуют о критическом отношении Лаврова к позитивизму, творческом его переосмыслении, что дало основание исследователям его творчества для характеристики его взглядов как полупозитивистских.

Внимание Лаврова к вопросам истории науки, развитию мысли позволили заложить фундамент наукоучения, той области знания, которая начала формироваться на рубеже XIX–XX вв., – философии науки. Хотя ученый и употребляет термин «философия науки» в своей работе «Задачи позитивизма и их решение» (1868), однако в таком же значении им используется и термин «научная философия», указывающий на необходимую взаимосвязь философии и науки, подчиненность философии ей. «Философия опирается на науку и ею питается. Из фактов последней философия строит одно стройное целое, не имея права ничего выкинуть, ничему противоречить. Чем она ближе к науке, тем она проще, нагляднее, убедительнее» [13, т. 1, с. 467]. В поднятой Лавровым проблематике развития науки и научного знания применяемому им термину «философия науки» в большей степени соответствует используемое им понятие «наукоучение».

В центре наукоучения Лаврова – проблема получения знания, его достоверность, детальное рассмотрение различных форм научного познания и их эволюция и прежде всего таких, как научный факт, гипотеза, законы науки. В поле зрения ученого находятся и такие вопросы, как роль личности исследователя, влияние его мировоззренческих установок на методологию исследования, место «ученых ассоциаций» в развитии науки, проблема взаимоотношений официальной науки и признанного научным сообществом знания и ряд других. Каждая из этих проблем разработана им в большей или меньшей степени, но компендиум его наукоучения дает полное основания для отнесения выдающегося русского ученого к родоначальникам отечественной философии науки, которая в таком широком предметном поле будет представлена в России лишь во второй половине XX в.

Наукоучение русского ученого основано на мысли, что «философия науки состоит из двух частей. Одна занимается методами исследования, другая рассматривает требования доказательности; одна указывает пути, которыми ум человеческий приходит к заключению, другая – способ, каким устанавливается их очевидность. При полноте первая представила бы органон открытия, последняя – органон доказательности» [13, т. 2, с. 602]. Выделение эпистемологических и методологических сторон в философии науки во многом определило ход размышлений ученого, позволило провести грань между его наукоучением и позитивистским подходом к роли и месту науки. Лавров обращает внимание на то, что Конт в совершенстве разрабатывает вопрос о средствах познания, но не затрагивает вопрос о том, как узнать, что достигнутый результат верен, «как удостовериться, что процесс был веден правильно, что наши посылки, состоят ли они из обобщений или из частных фактов, действительно доказывают заключение, которое мы основали на них?» [13, т. 2, с. 603]. Лавров принимает главный тезис позитивистов о том, что «бесплодность философской мысли составляет резкий контраст с постоянно прогресси-

рующей положительной наукой. Проблемы философии так же далеки от разрешения в настоящее время, как две с половиной тысячи лет тому назад, при самом зарождении философии, и между тем на разрешение этих проблем затрачено столько усилий величайших умов. Этот исторический опыт должен убедить, что задачи метафизики по самой своей сущности не соответствуют познавательным средствам человека, превышают их» [2, с. 6]. Но отвергая метафизику, ученый не отказывается от философии как объединяющей мысли. В отличие от позитивистов, Лавров отмечает важную роль философии в развитии научного мышления, придании научному знанию системного характера, подразумевая при этом лишь одно философское направление – «именно направление научно-философское, для которого постепенно накоплялся материал, вырабатывались методы» [12, с. 906].

Эпистемологические и методологические основания наукоучения Лаврова сложились в период его педагогической деятельности в Михайловской артиллерийской академии. Занятия математикой и баллистикой под руководством академика М.В. Остроградского, выделявшего Лаврова как наиболее талантливого своего ученика, и последующее преподавание в военно-учебных заведениях способствовали формированию у него рационально-теоретического подхода к науке в целом, получившего мощный импульс к развитию на волне распространения идей позитивизма в России. Позитивизм, несмотря на слабость своих посылок и неудовлетворительность общих результатов, оказался в России долговечнее других философских направлений благодаря его неразрывным связям с точными науками, несомненным заслугам его представителей в области методологии и общественной науки. Вера Лаврова в науку, критицизм и отрицание метафизики отвечали общим идейным тенденциям эпохи. В то же время его учение не совпадает ни с одной из чужих философских систем, а лишь включается в то широкое философское течение, которое можно назвать научной философией [10, с. 32–33].

Эпистемологические основания наукоучения Лаврова восходят своими корнями к философии Канта и позитивизма. Следуя кантовскому феноменализму и антиметафизической установке позитивизма, русский ученый выделяет четыре необходимых условия мышления вообще, а именно:

1. Мы можем познать не сущность, а лишь явления;
2. Мы можем искать истину и вероятность, определять противоречивое и невозможное лишь при помощи процессов нашего сознания. Скептически отнестись к собственному мышлению невозможно, не отказавшись от мышления вообще. Явления сознания – единственный источник всякого представления и понятия об истинном и вероятном. При этом все истины Лавров делит на очевидные, доказанные, вытекающие из очевидных, и более или менее вероятные. Под очевидными истинами русский ученый понимает не аксиомы, не логические, а именно психологические принципы. Поэтому как логика, так и наука существуют лишь для существ, мыслящих по тем же психическим законам, которым мы по необходимости следуем, а эти законы неоднородны для всего человечества.

3. Сколько-нибудь связное понимание вещей предполагает реальное существование внешнего мира, хотя доказать это положение нельзя.

4. Деятельность человека неизбежно представляется ему как постановка различных целей и выбор средств для их достижения [13, т. 2, с. 634].

Поскольку теоретические и практические миры представляются для Лаврова как ряд явлений с непознаваемой сущностью, отсюда вытекает его убеждение в относительности нашего знания. Он полагает, что незачем искать безусловно истинную точку отправления, а нужно искать необходимый для ученого способ организации мышления, отыскивать наиболее вероятные положения и располагать познанные явления по степени их достоверности. Хотя Лавров стоит за реалистическое понимание мира, но скептический принцип не позволяет ему категорически утверждать реализм. В «истории разума» он находит ту твердость в признании реализма, которой он никак не мог извлечь из своего релятивистического антропологизма.

Лавров видит источники знания в явлениях сознания, которые знакомят человека с его собственным Я; в явлениях внешнего мира; и, наконец, в фактах предания, связывающих человека с жизнью минувших поколений [13, т. 1, с. 360]. Наука, таким образом, опирается на личное исследование, только то становится ее фактом, что попадает в сознание. Развитие науки, убежден ученый, идет тремя путями: «...во-первых, путем группировки фактов, признанных достоверными, или такими, для которых была установлена степень достоверности; а это создавало специальные научные области, отдельные науки... во-вторых, путем классификации отдельных наук; а это давало указания на те области, которые требовали более усиленной работы научной мысли... в-третьих, путем систематического объединения всех областей мыслимого на почве научной критики; а это ставило задачу научной философии, стремящейся подвергнуть рациональной критике не только то, что уже входило в отдельные науки, но и то, что оставалось в данную эпоху вне их, но подлежало критике, как все мыслимое» [12, с. 918–919]. Посредством описания и классификации вырабатываются «методические приемы сближения действительно-сходного и дифференцирования действительно-различного по сущности, а не случайным признакам» [12, с. 920].

Наукоучение Лаврова обозначило важные особенности развития научного знания – его дифференциацию и классификацию. Вопросы классификации и систематизации всегда занимали русского ученого. Классифицируя, с одной стороны, «главные формы мысли», с другой, «главные ее сферы», Лавров охватывал в этой схеме все виды теоретической и практической мысли с соответственными ее сферами и проявлениями человеческой деятельности. Ничто Лавровым в области мысли не мыслилось отдельно, обособленно, вне связи с другими частями целого и с самим этим целым.

В своей классификации наук Лавров противопоставляет естествознание истории. В естествознании он выделяет морфологические и феноменологические науки. К последним он относит геометрию, механику, физику, химию, этику и социологию. Построение классификаций, по

мнению ученого, способствует приданию науке обособленного целого, что позволяет противопоставлять ее ненаучным областям мысли, уяснить те связи и относительное подчинение, которое существует между частными областями знания, а также заложить основы «общего философского мирозерцания и общих приемов решения жизненных вопросов» [12, с. 922].

Концепция наукоучения Лаврова, взявшая за основу кантовскую и позитивистскую эпистемологии, исходит из того, что «знание представляет ряд эмпирически составленных и критически проверенных представлений, которые, при своем накоплении, постоянно вырабатываются в понятия, с которых начинается наука» [12, с. 388]. При этом русский ученый творчески переосмысливает эволюцию научного знания. Критически осмысленные представления, по Лаврову, это не комплекс ощущений, а критическая работа мысли над связью фактов, которая осуществляется посредством понимания. «Понятый факт в его связи с другими есть характеристика научной мысли, в отношении низших ступеней мысли критической» [12, с. 391]. Всю сферу знания он делит на три области: на область научных, твердо установленных фактов, на область противоположную, т.е. на непознаваемую сущность вещей, и на промежуточную область вероятностей и возможностей, выражающихся в гипотезах. В формировании такой формы научного познания, как гипотеза Лавров уже видит присутствие философии. Он подчеркивает, что «научная гипотеза, как бы она ни была поддержана известными фактами и установленными законами, всегда включает в себя элемент философский» [12, с. 921].

Философия науки, по мнению ученого, должна способствовать преодолению того противостояния, «когда одновременно ученые естествоиспытатели гордились своим нефилософским эмпиризмом, а натурфилософы пытались построить природу *a priori*, презирая специальное знание» [12, с. 912]. Ученый выделяет две функции философии науки: первая – «объединяющая» роль, вторая – критическая. Философия науки, таким образом, включает в себя наукоучение и теорию познания. Наука соответствует мысли критической, а философия – мысли объединяющей.

Методологические основания наукоучения русского ученого формировались как под воздействием позитивизма, заслуги которого в разработке способов познания он высоко оценивал, так и в процессе собственных размышлений и исследований. Основную методологическую ошибку позитивизма Лавров видел в том, что тот, присваивая себе имя положительной научной философии, опирался при этом на данные отдельных наук. Русский ученый считал возможным создание научной философии только на целостном понимании развития всей науки, критическом осмыслении ее данных. Заслуга Лаврова заключается в том, что он призывал критически относиться к своим восприятиям, «с необходимостью ясно различать то, что нам дано в непосредственном ощущении, от того, что вносится нами самими в эти непосредственные ощущения» [6, с. 35]. Убежденность в том, что «наука требует метод», пронизывает всю научную философию Лаврова. В качестве такового метода у него выступает объективный и субъективный методы. Различия между ними заключа-

ется, считал он, в том, что «объективно то, что подлежит во всех частных случаях проверке нескольких исследователей. Субъективно то, что может быть проверено лишь одной личностью» [12, с. 607].

Лавров высоко оценил роль объективно-индуктивных методов, которыми оперирует положительная наука. Ученый, в частности, указывает на широкую применимость в современной ему науке сравнительного и исторического методов. Сравнительный метод, по Лаврову, имеет своей задачей «свести многочисленные, непосредственно констатируемые факты... на общее понятие о развитии» [12, с. 991]. Лавров, в отличие от Кюнта, который «создал несуществующую до него науку историю и постепенно извлек из нее философию», рассматривает исторический метод в свете требований научной философии [12, с. 992]. Внимание ученого к сравнительному и историческому методам, их познавательным возможностям, способствовали широкому применению во второй половине XIX в. сравнительно-исторического метода в различных областях отечественной науки, давшему толчок к развитию его различных отраслей и прежде всего таких как лингвистика, психология и ряд других наук.

Признавая значимость объективного метода, требующего, чтобы изучаемые явления, открываемые истины и способы их доказательства были доступны проверке любого подготовленного в научном отношении исследователя, ученый признает правомерность применения наряду с объективным в том числе и субъективного метода. Субъективный метод используется, по Лаврову, там, где явление доступно только одному наблюдателю, и выступает как научный, если значительное число критически развитых и способных к науке наблюдателей, каждый отдельно, воспринимает аналогичные явления. Сферой приложения субъективного метода выступают прежде всего общественные науки, где «люди имеют право судить обо всем со своей собственной точки зрения и протестовать даже против “объективных законов истории”» [3, с. 257]. Как отмечает А. Валицкий, «субъективизм» Лаврова в этом смысле означал, что историческое и социологическое познание никогда не бывает и не может быть по-настоящему объективным, потому что оно окрашено общественными взглядами познающего ученого, его неосознанными эмоциями или осознанно выбранными идеалами» [3, с. 257].

В своей работе «Важнейшие моменты в истории мысли», которая была опубликована под псевдонимом А. Доленги, Лавров прослеживает, как в истории мысли зародилось и по настоящее время прослеживается противопоставление объективного и субъективного методов, теоретического и практического мышления, когда мыслители «для теоретического мышления признают правильным лишь метод объективный, отвергая, как ненаучное, всякое приложение метода субъективного к пониманию явлений даже там, где без этого приема едва ли возможно установить иерархию жизненных целей. Научному мышлению приходится таким образом как бы вовсе отказаться от более или менее точной оценки упомянутых целей» [12, с. 913–914]. Ученый настоятельно подчеркивает приложение как объективного, так и субъективного методов, одинаково необходимых, «теоретическое мышление неизбежно приводит к практической задаче, а всякая практическая задача включает в себе решение

сложного теоретического вопроса» [12, с. 915]. Понимание Лавровым места и роли субъективного метода в научном познании предвосхищало ту активную роль исследователя и выбираемых им методов, которые характерны для неклассической картины мира.

Анализируя развитие познавательных средств в процессе получения нового знания, Лавров поднимает вопрос о значении языка науки. Лавров отмечает, что для развития научных понятий и предложений требуется язык науки. «Каждое новое выработанное понятие и новая гипотеза вызывали создание в языке термина, соответствующего новой задаче, в котором до тех пор общество не только не нуждалось, но в котором и продолжало не нуждаться большинство населения... Из языка вообще, созданного автоматически, обособляющиеся нации стали вырабатывать в этой интеллигенции специальные языки ученых или техников, и термины этого языка, проникая в речь большинства, большею частью весьма недостаточно поняты, вызывали два параллельных явления. С одной стороны, эти новые термины делались новыми объектами любопытства и, следовательно, новым точным или неверным фактом знания. С другой же стороны, этот язык делался общим для ученых и техников разных наций и способствовал универсалистическим тенденциям в интеллигенции разных народов. Таким образом одним из важных пособий для развития научной мысли явилось создание технического и научного языка» [12, с. 944–945].

Появление научной терминологии Лавров объясняет развитием научного и систематического мышления. «Язык хранит в своих формах часть этих систематических отношений, и на сколько он хранит их, он становится научно-систематизированным языком» [12, с. 945]. Систематическая работа мысли предполагается языком, но совершается независимо от него. Размышления русского ученого о роли языка науки в познании впервые в истории отечественной мысли обозначили важнейший аспект развития философии науки, предвосхитили дискуссии о роли естественного и искусственных языков в научном познании, которые характерны для неопозитивизма начала XX в. Долгие десятилетия проблема языка науки в отечественной науке замалчивалась как выражение кризиса буржуазной философии науки. Лавров на основе изучения эволюции научного знания хорошо понимал значение языка науки для ее развития, видел зависимость между состоянием научной терминологии и уровнем развития самой науки.

Двухсотлетний юбилей со дня рождения Лаврова дает новый повод для исследования вклада выдающегося русского ученого, педагога, мыслителя в развитие отечественной науки и образования, создания более цельного представления о его роли в интеллектуальной и социальной истории России. Лавров являет собой пример энциклопедически образованного русского ученого, образец военного педагога, чуткого к насущным проблемам воспитания и обучения, пример высокой нравственности и долга, служения своему народу. Философско-критическое восприятие мира обусловило понимание роли философии науки в развитии научного знания, закономерно привело к отказу от классической картины мира в пользу картины более диалектической и историчной, в которой возрастает роль

личности ученого, его ответственность за полученные результаты. Наукоучение Лаврова не только актуализировало внимание ученых к проблеме единства науки и философии, но и указало пути разрешения того кризиса в науке, который сложился на рубеже XIX–XX вв., указало на значение методологических и эпистемологических проблем развития научного знания, заложило основы современной отечественной философии науки.

Литература

Исследования

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.
2. В.К. Позитивизм в русской литературе // Русское богатство. № 3. Март. 1889. С. 3–41.
3. Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2013.
4. Говоруха-Отрок Ю.Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика. В 2 т. Т. 2. СПб.: Росток, 2012.
5. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Т. 1, ч. 2. Л.: ЭГО, 1991.
6. Мокиевский П. Лавров как философ // Лавров П.Л. Статьи, воспоминания, материалы. Петроград: Колос, 1922. С. 29–72.
7. Прудников В.Е. Русские педагоги-математики XVIII–XIX веков. М.: Учпедгиз, 1956.
8. Радлов Э. Лавров в русской философии // Лавров П.Л. Статьи, воспоминания, материалы. Петроград: Колос, 1922. С. 1–28.
9. Рашковский Е.Б. Историология Петра Лаврова: взгляд из сего дня // Россия и современный мир. 2005. № 1(46). С. 196–206.
10. Серебряков Э.А. П.Л. Лавров // Лавров П.Л. Статьи, воспоминания, материалы. Петроград: Колос, 1922. С. 452–472.
11. Сорокин П. Основные проблемы социологии П.Л. Лаврова // Лавров П.Л. Статьи, воспоминания, материалы. Петроград: Колос, 1922. С. 249–291.

Источники

12. Доленги А. Важнейшие моменты в истории мысли. Москва: Тип. В. Рихтер, 1903.
13. Лавров П.Л. Философия и социология: Избранные произведения. В 2 т. М.: Мысль, 1965.
14. Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: Записки и дневник (1804–1877 гг.). в 2 т. Т. 2. СПб.: Типо-литография «Герольд», 1905.

Bezlepkin, Nikolai I. *P.L. Lavrov and his science of knowledge*

References

1. Berdyaev, N.A. (1990), Russian idea. The main problems of Russian thought of the 19th century and the beginning of the 20th century, in: Berdyaev, N.A., *O Rossii i*

- russkoy filosofskoy kul'ture. Filosofyy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [About Russia and Russian Philosophical Culture. Philosophers of the Russian Post-October Abroad], Nauka, Moscow, pp. 43–271 (in Russian).
2. V.K. (1889), Positivism in Russian literature, *Russkoe bogatstvo*, no. 3, March, pp. 3–41 (in Russian).
 3. Walicki, A. (2013), *Istoriya russkoy mysli ot prosveshcheniya do marksizma* [History of Russian Thought from Enlightenment to Marxism], Moscow: Canon +, ROOI “Reabilitatsiya” (in Russian).
 4. Govorukha-Otrok, Yu.N. (2012), *Vo chto verovali russkie pisateli? Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika* [What did Russian Writers Believe in? Literary Criticism and Religious-Philosophical Journalism] in 2 vols., vol. 2, Rostok, St. Petersburg (in Russian).
 5. Zenkovsky, V.V. (1991), *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy], in 2 vols., vol. 1, part 2, EGO, Leningrad (in Russian).
 6. Mokievsky, P. (1922), Lavrov as a philosopher, in: Lavrov, P.L., *Stat'i, vospominaniya, materialy* [Articles, Memoirs, Materials], Kolos, Petrograd, pp. 29–72 (in Russian).
 7. Prudnikov, V.E. (1956) *Russkie pedagogi-matematiki XVIII–XIX vekov* [Russian Pedagogues- Mathematicians of the 18–19 centuries], Uchpedgiz, Moscow (in Russian).
 8. Radlov, E. (1922), Lavrov in Russian philosophy, in: Lavrov, P.L., *Stat'i, vospominaniya, materialy* [Articles, Memoirs, Materials], Kolos, Petrograd, pp. 1–28 (in Russian).
 9. Rashkovsky, E.B. (2005), Historiology of Peter Lavrov: a look from this day, *Rossiya i sovremennyy mir*, no. 1(46), pp. 196–206 (in Russian).
 10. Serebryakov, E.A. (1922), P.L. Lavrov, in: Lavrov, P.L., *Stat'i, vospominaniya, materialy* [Articles, Memoirs, Materials], Kolos, Petrograd, pp. 452–472 (in Russian).
 11. Sorokin, P. (1922), Main problems of P.L. Lavrov's sociology, in: Lavrov, P.L., *Stat'i, vospominaniya, materialy* [Articles, Memoirs, Materials], Kolos, Petrograd, pp. 249–291 (in Russian).